

В. М. ПАНЕВЯХ

ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЧАСТНОГО АКТА

(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Установление времени возникновения частного акта является важной задачей, так как это, во-первых, исходный момент его истории и, во-вторых, существенно для изучения социально-экономических процессов в самом обществе.

В дореволюционной историографии лишь А. Г. Станиславский определенно высказался о том, что частный акт появился «не ранее XIII в.»¹

В послереволюционной же исторической науке впервые сделал попытку разрешить эту проблему С. Н. Валк. Первоначально он отверг возможность упоминаний о частных актах в договоре Олега с греками (911 г.) и в Краткой и Пространной Правдах, отрицая синонимичность «ряда» и акта,² а затем приступил к последовательному изучению тех частных актов, которые прежде относили к раннему периоду (XII—XIII вв.).

Прежде всего, С. Н. Валк приходит к выводу, что данная (купчая) и духовная Антония Римлянина не могут «свидетельствовать о событиях, протекавших за четыре века» до XVI столетия, когда, по его мнению, они были созданы, а потому не должны быть датированы XII в.³

Аргументируя этот вывод, С. Н. Валк обратил внимание на то, что в связи с тяжбой между монастырем и посадскими людьми Иван IV в 1573 г. слушал челобитную монастыря на новгородцев и «приказал подписать на свое имя явно не фигурировавшую ранее в деле и теперь только предъявленную монастырем грамоту, и затем по этой грамоте решил дело в пользу монастыря». С. Н. Валк указал также на путаницу, возникшую при публикации данной (купчей) и духовной Антония Римлянина в литературе, связанную с тем, что осталось непроясненным, какой из этих двух актов Иван IV под-

¹ Станиславский А. Г. Об актах укреплении прав на имущество. Казань, 1842. С. 108 и сл.

² Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // ВИД. М.: Л., 1935. С. 292—294.

³ Там же. С. 300.

твердил, и пришел к заключению об одновременном предъявлении царю обоих актов и подтверждении им их как одного связанного целого. Предположение о большей древности духовной по сравнению с данной (купчей) на том основании, что в первой денежный счет ведется гривнами, а в последней рублями, неубедительно: «...духовная заставляет Антония получать благословение от успевшего умереть к тому времени епископа Никиты». По мнению С. Н. Валка, предъявленные Ивану IV акты призваны были выполнить не только деловую (имущественную), но и агнографическую задачу: «...ко времени Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. не было почитания памяти Антония, ни общего, ни местного (...), и это послужило толчком к агнографической работе». Ведь только «в 1550 г. „находят“ в Новгороде тот камень, на котором „приплыл“ сюда из Рима Антоний; только с этого времени его начинают называть Римлянином».⁴

Рассматривая данную Ивана Фомина сына священнику Лазарю (Муромскому монастырю на Онеге), включенную в завещание последнего и датированную 1182 г., С. Н. Валк обратил внимание: а) на несообразность термина «волостяне» для XII—XIV вв. и его актуальность для XVII в., когда монастырь вел ожесточенную тяжбу с «волостянами»; б) на фразу о приложении к акту «свинцового образа», тогда как свинцовые печати появились на северных актах с XV в., причем они не прикладывались, а привешивались, «прикладывалась» же рука завещателя — элемент удостоверения, не имевший места в новгородских актах ранее XVI в.; в) на то, что в 1650 г., не имея возможности нанять дело с окрестными крестьянами на основе имеющихся материалов, царю представили на утверждение копии не существовавших в то время актов, но почему-то не представили данную Ивана Фомина; вместе с тем представленные царю акты вовсе не упоминают имени Лазаря.

Все это привело С. Н. Валка к выводу о датировании данной Ивана Фомина, как и всего завещания Лазаря, второй половиной XVI в.⁵

Следующий акт XII в. — вкладная (данная) Варлаама Хутынского — хотя и написан на пергамене полууставом и тем самым по палеографическим признакам относится к древним актам, но также вызвал у С. Н. Валка сомнения в подлинности. С. Н. Валк указывает, в частности, на то, что «первая церковь в Новгороде, посвященная Варлааму, была построена в 1410 г.», а «память его начала почитаться, по-видимому, (...) в конце XIV в.; предметы, непосредственно связанные с именем самого Варлаама (в частности, поручи. — В. П.) либо по преданию, либо по надписям на самих этих вещах, на самом деле относятся к (...) началу XV или же к концу XIV в.»; восьмиконечный «крест преподобного Варлаама Хутынского» позднейшего происхождения, да и не имеет никакой надписи; печать с именем Варлаама Хутынского, по свидетельству А. В. Орешникова, относится к концу XIV—началу XV в. и является прямой подделкой под имя Варлаама; пергамен употребился в Новгороде до конца XV в.; для XV в. существуют рукописи и акты с теми же начертаниями букв, что и в варлаамовой грамоте; «нижний неиспользованный край варлаамовой

⁴ Там же. С. 296—300.

⁵ Там же. С. 301—303.

грамоты равен более четверти ее высоты», тогда как, за «единичными исключениями, пергаменные акты, даже акты первостепенной государственной важности, не имеют полей»; «весь акт написан в третьем лице» при наличии в конце его corroboratio и санкции, и это определяет его сходство с новгородскими позднейшими частными актами XV в.; восьмиконечный крест на левом поле также ставит под сомнение дату акта, поскольку, по свидетельству И. А. Шляпкина, появляется в Новгороде не раньше XIV в., а по более осторожному мнению самого С. Н. Валка — для XII—XIII вв. явление чрезвычайно редкое. Все это позволило С. Н. Валку отнести вкладную (данную) Варлаама Хутынского к концу XIV—началу XV в., хотя автор не сумел указать на события, которые дали повод для возвышения памяти Варлаама и поискам реликвий, к нему относящихся.⁶

Рассматривая акты XIII в., С. Н. Валк останавливается на данной чернице Мариины, вдовы кн. Дмитрия Константиновича, Суздальскому Васильевскому монастырю. Здесь он отмечает, что «оба дипломатических признака грамоты, наличие датировки и рукоприкладств, относят грамоту ко времени не ранее XV в.». Кроме того, и содержание акта расходится с датой: «Дмитрий Константинович Суздальский жил не в XIII, а в XIV веке», и умер он только в 1383 г. Монашеское же его имя не Дионисий (как в грамоте), а Федор. Мотивы и время подделки определяются С. Н. Валком в связи с грамотой с прочетом царя Ивана IV от 13 марта 1583 г. в Суздаль, из которой становится ясным, что в ходе одной из тяжб из-за пустоши игумен Васильевского монастыря Авраамий выставлял в обоснование своих прав именно этот акт. Следовательно, его следует относить к концу XVI в.⁷

К XIV—XV вв. относили всегда значительно большее число актов. Но, как отметил С. Н. Валк, напечатанные А. А. Шахматовым двинские акты имеют своей конечной датой не 1471 г., а начало XVI в.; то, что А. Х. Востоков и его предшественники и последователи считали актами XIII в., «после работы А. А. Шахматова приходится относить уже во всяком случае к XV в. и, может быть, в единичных случаях к концу XIV в.». В том же ключе рассматривает С. Н. Валк и акты, опубликованные в «Сборнике Муханова», и приходит к выводу, что «здесь мы не имеем частных актов XIV в.»⁸ Хотя для этой сравнительно поздней эпохи с точки зрения целей данной работы С. Н. Валка подделки не имели существенного значения, все же он остановился и на некоторых из них.

Мировая шунгских смерлов с Григорием Семеновичем («старинная обданая») XIV в. «носит признаки актов XVI—XVII вв.»: он «датирован, притом не только годом, как то встречается в частных актах в конце XV в., но и месяцем и числом (...), для чего надо перейти уже к XVI в. (некоторые единичные примеры датировки в позднейших копиях актов должны быть рассмотрены каждая в отдельности)»; «акт имеет рукоприкладств (их два), чего нельзя найти ранее XVI в.»; «акт назван „записью“ — термином, вошедшим в употребление только в XVI в.». Датировать точнее эту подделку

⁶ Там же. С. 303—306.

⁷ Там же. С. 307—308.

⁸ Там же. С. 310—314.

позволила заверка списка акта архимандритом Хутынского монастыря Тихоном, который был архимандритом в 1658—1660 гг.

Другим примером, по мнению С. Н. Валка, подделки акта XIV в. служит данная Саввы Дмитриевича Скузюва Благовещенскому монастырю от 1398/1399 г. И здесь «датировка частного акта (...) относит нас, по крайней мере, к концу XV в., а датировка, поставленная в начале акта, явление еще более позднее». Что же касается формулы «божисю милостью», то она «в частных актах неупотребительная». Анализ патриаршей крепостной книги, в которую был внесен данный акт, привел С. Н. Валка к выводу, что он отсутствовал в первоначальном своде нижегородских актов, в том числе Благовещенского монастыря. В то же время «при отсутствии подлинника и каких-либо ссылок на него» имеется дважды подтвержденная копия — в начале поземельного конфликта и в момент возникновения дела в суде. Все это ведет к выводу о подделке акта. Указывает С. Н. Валк и на документальные источники фальшивки — жалованную грамоту великого князя Василия Дмитриевича Благовещенскому монастырю 1423 г. на ряд земель, среди которых были упомянуты и пустоши Саввы Скузюва: митрополичьи грамоты (позднее царские) с их трафаретным началом «Божиею милостию се яз».⁹

Подводя итоги, С. Н. Валк отметил, что, несмотря на наличие подделок, все же за вторую половину XIV в. имеются немногие частные акты, и именно потому отнес эту эпоху ко времени появления в центральной России частного акта.¹⁰ Появление же частных актов в Новгороде (духовная Климента) и Пскове (или Полоцке) (рядная Тешагы) — двух центрах, «развитие которых (...) шло несколько иным путем, чем развитие остальной феодальной России», то здесь они появились в XIII в.¹¹

С решительными возражениями С. Н. Валку по вопросу о времени возникновения древнерусских частных актов выступил М. Н. Тихомиров, который посвятил проблеме датировки вкладной (данной) Варлаама Хутынского, данной (купчей) и духовной Антония Римлянина, данной Марины специальную статью, настаивая на их подлинности.¹² По его мнению, С. Н. Валк пришел «к очень печальным результатам», поскольку «из числа наших исторических источников нападают ценнейшие документы, которыми пользовались и продолжают пользоваться многие исследователи», особенно же огорчительно, что к числу подложных актов отнесена вкладная Варлаама Хутынского — «единственный документ, рисующий в точности знатного землевладельца конца XII—начала XIII в.».¹³

⁹ Там же. С. 315—316.

¹⁰ Там же. С. 316.

¹¹ Там же. С. 310. К сожалению, С. Н. Валку иногда ошибочно приписывается мнение, что древнерусские частные акты на всей территории Русского государства появились в XIV в. (см., напр.: Янин В. Л. 1) Новгородские грамоты Антония Римлянина и их даты // Вестник Московск. ун-та. Сер. IX. История. 1966. № 3. С. 71; 2) Грамоты Антония Римлянина и их датирование // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 43).

¹² Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси // ИЗ. 1945. Т. 17. С. 225—

244.

¹³ Там же. С. 224.

Именно с этого акта М. Н. Тихомиров начал свои возражения С. Н. Валку.

Прежде всего, М. Н. Тихомиров в отличие от С. Н. Валка относит поручи Варлаама не к XIV, а к XIII в. Но что это меняет? Ведь речь идет не о XII в., к которому М. Н. Тихомиров относит акт. Подозрение С. Н. Валка относительно печати М. Н. Тихомиров отводит, ссылаясь на недостаточное исследование, хотя и воздерживается от утверждения о ее подлинности.¹⁴ Ссылку С. Н. Валка на дороговизну пергамента, делающую сомнительным оставление нижнего поля чистым, М. Н. Тихомиров отводит, опираясь на то, что в XIII в. существовала Новгородская кормчая, написанная на многих листах, и на то, что «стоимость земли, подаренной Варлаамом Хутынскому монастырю, во много раз превосходит стоимость маленького куска пергамента». Утверждение М. Н. Тихомирова, согласно которому С. Н. Валк придает решающее значение изображению на акте восьмиконечного креста,¹⁵ неверно. С. Н. Валк только указывает на чрезвычайно редкие случаи изображения именно такого креста в XIII в., и это побуждает его отнести грамоту к концу XIV—началу XV в., «ко времени, к которому (...) относятся почти все памятники, связанные с именем Варлаама».¹⁶ Оспаривает М. Н. Тихомиров и мнение о существовании для XIV и даже для XV в. других рукописей и актов с начертанием буквы, подобных тем, что и на варлаамовой грамоте. Проведенный М. Н. Тихомировым анализ подкрепляет его убеждение о подлинности акта, равно как и изучение его орфографии. Наконец, отвергает М. Н. Тихомиров и аргументацию, касающуюся дипломатических признаков: написание в третьем лице встречается и в рядной Темати; форма заклатья сходна с заклатьями публичных актов XIII в. и отсутствует в новгородских частных актах XV в.¹⁷

О древности акта, по мнению М. Н. Тихомирова, свидетельствует и его лексика (употребление слова «божница» вместо «церкви», слова «гоголинне» довица), а также само содержание вкладной, в частности, отсутствие в ней обозначения границ Хутынского монастыря, что для конца XIV—начала XV в. явилось бы «беспредметной подделкой». Отнесение краткого жития Варлаама вслед за В. О. Ключевским к XIII в. никак не аргументируется М. Н. Тихомировым, несмотря на наличие иных мнений (XV в.), к которым присоединился С. Н. Валк. То обстоятельство, что показания этого жития подтверждаются Новгородской I летописью по древнейшему списку (не позднее половины XIV в.), необязательно свидетельствует о его составлении при жизни Варлаама, как утверждает М. Н. Тихомиров.

В заключение М. Н. Тихомиров пришел к выводу о подлинности вкладной Варлаама Хутынского, составленной около 1211 г.¹⁸ За-

¹⁴ В. Д. Янин относит эту печать к началу XV в., связывая ее появление со временем адвентизации Варлаама (*Янин В. Д. Актовые печати древней Руси X—XV вв.* М., 1970, т. 2, с. 140).

¹⁵ *Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси.* С. 226—228.

¹⁶ *Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта.* С. 306.

¹⁷ *Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси.* С. 228—230.

¹⁸ Там же, с. 230—233. Предположение М. Н. Тихомирова, что Варлаам был сыном Михаила Степановича (юродника в 1186—1189 гг. и 1203—1205 гг.), не подтверждается данными палеологии (см.: *Янин В. Д. Новгородская феодальная вотчина.* М., 1981, с. 137).

метим, что относительно к тому, кто из дискутирующих о подлинности этого акта прав, М. Н. Тихомиров относит его не к XII, а к XIII в., и этим не поколеблено общее мнение С. Н. Валка о появлении частного акта в Новгороде именно в XIII в., а даже подтверждено.

Рассматривая данную (купчую) и духовную Антония Римлянина, М. Н. Тихомиров прежде всего оспаривает вывод С. Н. Валка, что данная (купчая) появилась только в 1573 г.: «Монастырь пользовался своими правами на землю задолго до предполагаемой С. Н. Валком даты возникновения купчей Антония Римлянина». Касаясь жития Антония Римлянина, М. Н. Тихомиров обратил внимание на разновременное возникновение жития и сказания о переложении мощей и чудесах Антония, которое частично относится к первой половине XVI в., и высказал предположение о более раннем, чем сказание, происхождении жития. М. Н. Тихомиров обнаружил некоторые совпадения в духовной и вкладной (купчей) Антония с житием и полагал, что в житии эти фрагменты изложены «более новым текстом, чем в купчей и духовной». Следовательно, «житие пользовалось купчей и духовной Антония Римлянина как источником (...), эти документы уже существовали ко времени возникновения жития», и «не житие вызвало появление купчей и духовной (как считал С. Н. Валк. — В. П.), а наоборот». М. Н. Тихомиров при этом признает, что монах Нифонт, который, по мнению Е. Е. Голубинского и вслед за ним С. Н. Валка, являлся автором жития Антония, «сделал поправки к житию на основании летописи», и это создало «полную хронологическую путаницу»: «источники связывали прибытие Антония с епископом Никитой, а в 1117 был уже не Никита, а Иван». Анализ похвального слова Антонию привел М. Н. Тихомирова к заключению, что Антоний прибыл в Новгород 5 сентября 1105 г., когда новгородским епископом был Никита. Опираясь на то же похвальное слово, которое «написано было на основании жития», М. Н. Тихомиров датирует обретение мощей Никиты 1558 г. и на этом основании относит житие ко времени до 1558 г. и тем самым отвергает мнение С. Н. Валка о позднем происхождении жития. М. Н. Тихомиров приводит также летописные известия о праздновании памяти Антония в 1533 и 1537 гг., полагая, что к этому времени существовало уже и его житие. Поскольку же данная (купчая) и духовная «были источниками жития, то, следовательно, эти документы существовали в первой половине XVI в., задолго до 1573 г., предполагаемой С. Н. Валком даты их подделки. Отметим, что все эти аргументы, относящиеся к духовной, если они даже и справедливы, не дают оснований для ее датирования XII в., а всего только переносят ее возникновение со второй половины XVI в. (как у С. Н. Валка) на конец XV в.

Обращаясь непосредственно к изучению данной (купчей) Антония Римлянина, М. Н. Тихомиров отмечает черты, указывающие на древность первоначального текста данной (купчей) — слова «труд», «обод земли». «Дети посадничьи» хотя и появляются примерно с XIV в., но «ранее этот термин мог просто обозначать родство». Заклятье в конце грамоты («а кто на ту землю наступит, а то управит мати божия») «является типичным для XII—XIII вв.», тогда как в новгородских купчих XIV—XV вв. подобных заклятий нет.

Духовная Антония Римлянина в еще меньшей степени, по мнению М. Н. Тихомирова, может быть заподозрена в позднейшем подделке. В ней денежный счет ведется на гринны; Никита назван просто епископом, а не архиепископом, «что, вероятно, сделал бы позднейший подделыватель, зная, что, кроме того, о канонизации Никиты, о чем в духовной нет и намека, тогда как житие Антония уже называет Никиту чудотворцем»; упоминание слова «свобода» в одинаковом значении с церковным уставом Владимира вместо более позднего «слобода»; слово «терпеть», типичное для ранних памятников XI—XII вв.

Все эти аргументы в совокупности привели М. Н. Тихомирова к однозначному выводу, что оба памятника — духовная и данная (купчая) Антония Римлянина — «были составлены в XII в. и являются подлинными, а не подложными».¹⁹

Из частных актов Северо-Восточной Руси М. Н. Тихомиров рассматривает только один — данную черницы Маринны Суздальскому Васильевскому монастырю.

М. Н. Тихомиров считает, что доводы С. Н. Валка «для признания грамоты Маринны подлогом относительно убедительны, но эти доводы тотчас же начинают рушиться». В отличие от С. Н. Валка, который отождествил князя Дмитрия Константиновича, мужа Маринны, с князем, жившим в XIV в. и умершим в 1383 г., М. Н. Тихомиров занялся поисками других князей с таким именем, но на этом пути допустил слишком много догадок. Так, углицкий князь Дмитрий Константинович звался также Владимиром и умер в 1249 г. Впрочем, жену его «звали Евдокией, но она могла носить второе, иноческое имя Маринны». Известна по летописям и Маринна, умершая в 1279 или 1280 г. и бывшая женой убитого в 1238 г. князя Всеволода Константиновича Ярославского. Поскольку «обычай носить двойные имена общезвестен», М. Н. Тихомиров предположил, что именно таким могло быть имя этого князя.²⁰ Что касается доводов С. Н. Валка, согласно которому дипломатические признаки (наличие датировки и рукоприкладств) относят грамоту ко времени не ранее XV в., то М. Н. Тихомиров их не рассматривает. Как видим, доводы С. Н. Валка в данном случае не оказались даже поколебленными.

В заключение М. Н. Тихомиров анализирует значение термина «ряд». Он признает, что статьи Правды Русской «не дают возможности сказать, имеем ли мы в ряде письменный документ или просто словесную сделку». Но если обратиться к другим древним письменным источникам, то окажется, что они свидетельствуют о «ряде» как письменном документе — в духовных грамотах московских князей XIV в., в проекте договора Смоленска с немцами XIII в., в договоре Олега с греками, в рядной Тешаты XIII в.²¹

Однако речь здесь идет либо о публичных актах, либо об относительно поздних, когда наличие частных актов не вызывает сомнений. Применительно же к XII в. и более раннему времени М. Н. Тихомиров никаких материалов не привел. Поэтому его

¹⁹ Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси. С. 233—241.

²⁰ Там же. С. 241—243.

²¹ Там же. С. 243.

попытка экстраполировать свои выводы на Правду Русскую, в частности на ряд о холодстве,²² не представляется убедительной.

Общий вывод М. Н. Тихомирова, согласно которому «Древняя Русь была не бесписьменной страной и знала публичные и частные акты уже в XII, а, вероятно, и ранее — в XI столетии»,²³ представляется слишком категоричным, если относить его именно к актам частным. К сожалению, М. Н. Тихомиров не удержался на строго дипломатическом подходе к проблеме и перевел ее в плоскость культурологическую и «патриотическую». Он не мог примириться с тем, что время появления частных актов С. Н. Валк отнес «к несравненно более позднему времени, чем в какой-либо другой культурной стране Европы и Азии».²⁴ Этому противопоставляется уже цитированное выше заявление о «высоте русской культуры в киевское время».

Без письменности и относительно высокого уровня культуры, разумеется, невозможно появление письменных памятников. Но эти предпосылки отнюдь недостаточны, если иметь в виду именно частные акты. Для этого необходимы социальные предпосылки, о наличии которых в XII в. и ранее М. Н. Тихомиров даже не упомянул.

Можно ли на тех основаниях, которые привел М. Н. Тихомиров, признать мнение С. Н. Валка о времени возникновения частных актов на Руси ошибочным, а вопрос о подлинности древнейших актов окончательно решенным положительно? М. Н. Тихомиров придерживался именно такой точки зрения. Например, в учебном пособии по источниковедению истории СССР он писал, что полемику о подлинности древнейших частных актов «можно считать решенной», поскольку «Древняя Русь имела довольно распространенную актовую письменность, как это доказали находки берестяных грамот в Новгороде».²⁵ В другой работе включение С. Н. Валком в издание новгородских и псковских грамот данной (купчей) Антония Римлянина и вкладной (данной) Варлаама Хутынского М. Н. Тихомиров трактовал как вынужденное и произведенное «под напором объективности».²⁶ На тех же, вероятно, основаниях базируется странное утверждение составителей сборника работ М. Н. Тихомирова о том, что С. Н. Валк «пересмотрел свои взгляды по данному вопросу».²⁷

Однако с такой оценкой состояния проблемы согласиться, по нашему мнению, не представляется возможным. Прежде всего отметим, что сам С. Н. Валк никогда — ни устно, ни письменно — не давал повода даже для предположений о пересмотре им взгляда на ряд древнейших частных актов как подложных. Отмеченное М. Н. Тихомировым включение в издание грамот Новгорода и Пскова, вышедшее под редакцией С. Н. Валка, актов, признанных им подложными, было естественным следствием оценки данной проблемы как спорной. Об этом свидетельствуют содержащиеся в археографических леген-

²² Там же. С. 244.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 226.

²⁵ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 100.

²⁶ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские востанья на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 42.

²⁷ См.: Комментарий к кн.: Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 412.

дах к ним ссылки на обе работы — как С. Н. Валк, так и М. Н. Тихомирова.²⁸ Совершенно очевидно, что если бы С. Н. Валк действительно пересмотрел свои взгляды, в сборнике не содержалось бы ссылок на эту его работу.

Что же касается мнения М. Н. Тихомирова об окончательности предложенного им решения проблемы, то и оно представляется сомнительным.

Прежде всего уточним, в чем состоит принципиальное расхождение двух концепций. С нашей точки зрения, дело не только в датировке тех или иных единичных частных актов, а в том, что М. Н. Тихомиров считает временем их появления XII, а возможно и XI в., тогда как С. Н. Валк — XIII в. для Новгорода и Пскова и XIV в. для Северо-Восточной Руси. При этом С. Н. Валк основывается на том, что от XIII в. сохранились духовная Климента и рядная Тешаты и Якима (Новгород и Псков либо Полоцк), а от второй половины XIV в. — несколько актов (Северо-Восточная Русь). М. Н. Тихомиров же относил два новгородских частных акта — духовную и данную (куничую) Антония Римлянина — к XII в., переносил вкладную Варлаама Хутынского из XII в. в начало XIII в., а из актов Северо-Восточной Руси лишь один (данную черницы Марины) датировал XIII в. и ни одного — XII в.

Обозревая период после появления полемической статьи М. Н. Тихомирова, обнаруживая, что первоначально его концепция раннего происхождения частных актов не вызвала ни у кого возражений, и даже не были предприняты попытки проверить справедливость предложенных им конкретных датировок. Это и понятию. Развязанная во второй половине 40-х — начале 50-х годов историческая кампания по утверждению мифических приоритетов и против так называемых антипатриотов делала концепцию М. Н. Тихомирова неприкасаемым «символом веры». Недаром А. И. Кошнев констатировал, что поставленные под сомнение С. Н. Валком ранние акты «в разных исторических работах фигурируют как подлинные».²⁹

Прошло десятилетие, и изменения общественной атмосферы, связанное с наступлением «оттепельных» лет, привело к тому, что исследователи вернулись к изучению спорных актов.

Подвергся заново рассмотрению и термин «ряд» древнейших русских памятников. Так, Ю. Г. Алексеев вслед за С. Н. Валком определенно считает, что «Пространная Правда письменному земельному акту как такового не знает, но в ст. 92-й говорит о „ряде“». Являясь в данном случае заведательным распоряжением, ряд совсем не «обязательно (или хотя бы преимущественно)» должен был иметь «форму письменного документа», поскольку, например, Ярослав Мудрый «отдал свои распоряжения устно («рек»), придан им в то же время характер ряда («наряди сыны своя»)». Передача «дома»-здания всем дедам также происходила в форме ряда, но «нет оснований предполагать, что при этом составлялся особый документ». Но по поводу мнения М. Н. Тихомирова о ряде как частном акте Ю. Г. Алексеев определен-

²⁸ Грамоты Великому Новгороду и Пскову / Под ред. к печати В. Г. Гейшан, П. А. Калашова, А. И. Кошнев, Г. Е. Кошкин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рудневская. Изд. С. Н. Валка. М.: Л., 1949, с. 159, 161.

²⁹ Кошнев А. И. Советская дипломатика // ВПД. Л., 1968. Т. 1. С. 69.

но пишет: «...приведенный М. Н. Тихомировым перечень „рядов“ — актов хронологически разнороден: документы XIV в. не могут быть безоговорочно привлечены для интерпретации терминов Русской Правды {...} под „рядом“ разумеется, по-видимому, сам факт договора или распоряжения, а не фиксирование его в виде акта {...} „ряд“ — действие завещателя или договаривающихся сторон — так отличается от документа об этом „ряде“, как купля—покупка земли от купчей грамоты, фиксирующей эту сделку».³⁰ М. Б. Свердлов, напротив, не видит существенных различий между «рядом» — устной сделкой и «рядом» — актом, «рядом» — частным актом и «рядом» — публичным актом, почему и не определяет времени возникновения «ряда» — частного акта.³¹

Что касается проблемы подлинности частных актов, то и она стала вновь объектом дискуссии. Рассмотрим в этой связи каждый спорный акт в отдельности.

1. *Духовная Антония Римлянина*. Ее подлинность впервые после С. Н. Валка была поставлена под сомнение А. А. Зиминим.³²

В отличие от С. Н. Валка и А. А. Зимина В. Л. Янин привел аргументацию в пользу отнесения духовной Антония к XII в. (до 1131 г.).

В. Л. Янин прежде всего отказался от рассмотрения духовной и данной (купчей) Антония Римлянина как единовременного комплекса актов. По его мнению, такое представление о них основывается только на словах («Список с чюдотворцевы Антония Римлянина грамоты»), написанных в XVI в., тем более что данная (купчая) — документ анонимный. К тому же В. Л. Янин установил, что границы участков, определенных в этих документах, различны: «Духовная фиксирует изначальную земельную покупку, приобретение того участка, на котором расположились первые постройки монастыря {...} В купчей же грамоте запечатлена существенная прикупка земли».³³

Переходя к духовной Антония, В. Л. Янин подверг анализу отмеченный С. Н. Валком анихронизм грамоты: согласно ее тексту, Антоний получает благословение от умершего к тому времени епископа Никиты. В. Л. Янин обратил внимание на то, что Антоний официально получил титул игумена через 14 лет после того, как он впервые упомянут летописью в качестве игумена. Это произошло в 1131 г., сразу же вслед за «отвержением» епископа Иоанна и прихода ему на смену Нифонта. После этой даты Антоний в духовной не мог ссылаться только не на благословение Никиты, а должен был сослаться и на благословение Нифонта. Следовательно, духовная была составлена до 1131 г. Именвший место, по предположению В. Л. Янина, конфликт между Антонием и епископом Иоанном объясняет, почему первый не ссылается на благословение второго. Епископ Никита умер в 1109 г., а ссылка в духовной на его благословение может свидетельствовать о начале деятельности Антония до этой даты.³⁴

³⁰ Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты) // Там же. Л., 1974. Т. VI. С. 125—126.

³¹ Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв. // Там же. Л., 1976. Т. VIII. С. 60—63.

³² Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 113.

³³ Янин В. Л. Грамоты Антония Римлянина и их датирование. С. 44—48.

³⁴ Там же. С. 49—51; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 206—207.

Исходят из подлинности духовной Антония Римлянина также Ю. Г. Алексеев,³⁵ М. Б. Свердлов³⁶ и В. Ф. Андреев.³⁷ Напротив, С. М. Каптанов полагает, что она по своей терминологии является источником скорее XIV, чем XII в.³⁸

2. *Данная (купчая) Антония Римлянина*. А. А. Зимин полагал, что подлинность этого акта нуждается в доказательствах.³⁹

В. Л. Янин в ранней работе отметил, что упоминание в данной (купчей) Антония «посадничьих детей» и рублевого счета переносит дату ее возникновения к XIV или XV в., когда «покупка монастырем земельного участка у посадничьих людей за рубли вполне закономерна». Упоминание рублей дает ранний датирующий признак — не ранее конца XIII в., а посадничьих детей — поздний: 1478 г., когда после боярских «выволоков» из Новгорода «ни о каких посадничьих детях уже не могло быть и речи». Поскольку, как явствует из данной (купчей), «приобретаемая по ней земля лишена построек», а «не позднее 1357 г. на принадлежащем Антонисву монастырю участке появляются новые владельцы», то данную (купчую) невозможно датировать позднее 1357 г. Поиски сыновей посадника Ивана с конца XIII по середине XIV в. привели В. Л. Янина к Ивану Федоровичу Смятанке либо Ивану Семеновичу Мотурице. Оба они впервые были избраны на посадничество в 1354 г. Следовательно, данную (купчую) Антония «невозможно датировать временем ранее 1354 г.». В. Л. Янин высказывает и предположение относительно автора этого акта. Им мог быть игумен монастыря Савва, чье имя для конца 50-х годов хорошо известно.⁴⁰

Ю. Г. Алексеев приводит ряд соображений, которые, безусловно, «усиливают скептицизм, проявленный (...) С. Н. Валком» по отношению к данной (купчей) Антония Римлянина. Помимо аргументов, приведенных С. Н. Валком, Ю. Г. Алексеев обратил внимание на необычное начало документа: «Се труд госпоже моя (...) им же трудихся на месте сем». По его мнению, о «„подлинности“ акта, конечно, не может быть и речи — спор может идти только о степени достоверности сообщаемых сведений», которая «относительно контргентов сделки и формы ее, судя по всему, небольшая».⁴¹ К сожалению, Ю. Г. Алексеевым не была подвергнута анализу датировка данной (купчей) Антония, предложенная до него В. Л. Яниным.

Не обратил внимание на аргументацию В. Л. Янина и М. Б. Свердлов. Его не смутила уязвимость аргументации М. Н. Тихомирова: «Содержание грамоты и история его списка подтверждают подлинность купчей Антония Римлянина». По мнению М. Б. Свердлова, «косвенные данные, говорящие о широком распространении купчих в начале XIV в. и давней практике их использования, запол-

³⁵ Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси. С. 128—129.

³⁶ Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв. С. 63.

³⁷ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 94.

³⁸ Хроника совместного заседания Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященная 100-летию со дня рождения С. Н. Ваяка // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989. С. 157.

³⁹ ПРП. Вып. 2. С. 113.

⁴⁰ Янин В. Л. Грамоты Антония Римлянина и их датирование. С. 51—58.

⁴¹ Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси. С. 127.

ныю лакуну между купчей Антония Римлянина и достоверными купчими второй половины XIV—начала XV в.». В качестве косвенных данных М. Б. Свердлов указывает на берестяную грамоту № 53, относящуюся к 10—30-м годам XIV в., в которой есть такой фрагмент: «Спиши список с купной грамоте да пришли семя. Куда грамота поведе, дать ми разумно». Сопоставляя формулу «куда грамота поведе» с клаузулой данной (купчей) Антония «А обход той земли (...) А той земле и межа», М. Б. Свердлов обнаруживает между ними близость.⁴² Но это сравнение скорее свидетельствует о том, что данная (купчая) Антония может быть отнесена ко времени не ранее XIV в.

Другим аргументом в пользу подлинности данной (купчей) Антония является, согласно М. Б. Свердлову, необычность формулы данной (купчей): включение Антонием купчей в данную «должно было доказать законность его владения передаваемой землей».⁴³

Подобное предположение выглядит весьма искусственным, поскольку автор не подкрепил его хотя бы одним примером существования акта с подобным формуляром, возникшим по тем же мотивам. Не является сколько-нибудь убедительным аргументом и ссылка М. Б. Свердлова на граффити XII в. киевского Софийского собора, где зафиксирована купля земли. Ведь и сам М. Б. Свердлов не настаивает на том, что граффити представляли собой сознательное повторение купчей,⁴⁴ а между любой записью об устной сделке и чистым актом (купчей грамоты) имеются принципиальные различия.

Правда, впоследствии М. Б. Свердлов изменил свою точку зрения по поводу датировки данной (купчей) Антония Римлянина и пришел к выводу, что В. Л. Янин «убедительно (...) обосновал дату «купчей» Антония — середина XIV в.».⁴⁵ Остается, однако, неясным, как совместить это утверждение с той аргументацией, которую сам М. Б. Свердлов приводил ранее для доказательства датировки этого акта XII веком. Означает ли это, что теперь автор признает ее уязвимость?

В. Ф. Андреев вступил в полемику с В. Л. Яниным по поводу датирования им данной (купчей) Антония, одновременно отвергнув и представление о ее подделке, отстояваемое С. Н. Валком. В. Ф. Андреев обратил внимание на то, что богословие, с которого начинается данный акт, отсутствует в купчих XIV—XV вв. Далее констатируется, что в статье, близкой «по содержанию и форме ко второй клаузуле купчих XIV—XV вв.» и содержащей диспозитивную формулу «купил семя», имена продавцов и описание границ («обход») покупаемой земли, «отсутствует имя покупателя» и «написана грамота в первом лице, а не в третьем, что обычно для Новоторла». Обращено также внимание (вслед за М. Н. Тихомировым) на необычность для купчих санкции—заклятья. Указание в грамоте на детей посадника Ивана позволяет, по мнению В. Ф. Андреева, связать ее с посадником Иваном Павловичем и датировать купчую промежутком

⁴² *Свердлов М. Б.* Дрешерусский акт X—XIV вв. С. 59.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 60.

⁴⁵ *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 134.

между 1135 г., когда он был убит, и 1147 г. — годом смерти Антония.⁴⁶

Однако нам представляется, что отсутствие в купчих XIV—XV вв. отдельных клаузул, имеющих в данной (купчей) Антония, не даст основания для ее удренения. Ведь остается недоказанным наличие в более ранних подобных актах этих клаузул.⁴⁷ Кроме того, В. Ф. Андреев никак не объяснил написание грамоты в первом лице. Ведет ли эта особенность в древность? Наконец, им не прокомментировано утверждение В. Л. Янина о позднем (XVI в.) происхождении слов «Список с чюдотворцовы Антония Римлянина грамоты» и о том, что они относятся к обоим актам — духовной и данной (купчей) Антония Римлянина.

Поддержал вывод В. Л. Янина о дате составления данной (купчей) Антония Римлянина С. М. Капитанов.⁴⁸

Парадоксальность историографической ситуации состоит, однако, в том, что эта солидарность с В. Л. Яниным (ранно как и изменение своего мнения в пользу его датировки М. Б. Свердловым) наталкивается на пересмотр В. Л. Яниным своей прежней аргументации и возвращение к оценке С. И. Валком этого акта как фальсификата второй половины XVI в. В. Л. Янин вслед за В. Ф. Андреевым⁴⁹ пришел к выводу, что дата избрания посадника Ивана «не может служить рубежом датирования», «так как оба посадника Ивана этой поры — Иван Семенович Мотурица и Иван Федорович Смятанка — дожили до 60-х гг. XIV в., и, следовательно, их дети никак не могли распоряжаться отчинами в 50-х годах XIV в.»⁵⁰ Введение В. Ф. Андреевым в научный оборот меновой грамоты архиепископа Евфимия с Богословским на Витке монастырем⁵¹ позволило В. Л. Янину обнаружить противоречие между показанием этой грамоты о том, что земля в Радоковицах входила во владение «прежних владык», бравших с нее подем «в дом божии святей Софии», и утверждением данной (купчей) Антония Римлянина, согласно которому указанный участок входил в границы земли, принадлежащей Антониеву монастырю и приобретенной якобы у «Смехна да у Прохна у Ивановых детей у посадничих». «Это обстоятельство, — теперь считает В. Л. Янин, — представляется достаточным для признания (...) грамоты как фальсификата».⁵²

3. *Вкладная (данная) Варлаама Хутынского.* Точку зрения М. Н. Тихомирова на дату составления этого акта поддержал А. А. Зимин.⁵³ Ю. Г. Алексеев и М. Б. Свердлов, не рассматривая по

⁴⁶ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. С. 93—96.

⁴⁷ Пестовым рискованно утверждать, основываясь всего только на данном примере, что на начальном этапе (XII—XIII вв.) формуляры купчих был присвоен ряд черт, характерных для формуляров духовных и даных (там же, с. 96).

⁴⁸ Хронология совместно заседаний... посвященным 100-летию со дня рождения С. И. Валка. С. 157.

⁴⁹ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. С. 95.

⁵⁰ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 218—219, 356.

⁵¹ Андреев В. Ф. Ранее не публиковавшаяся новгородская грамота XV в. // Научная конференция «Актуальные проблемы исторической науки». Тезисы докладов. Новгород, 1985. С. 32—35.

⁵² Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 218—219, 354—357.

⁵³ ИРИ. Вып. 2. С. 113.

существованию проблемы датировки вкладной (данной) Варлаама Хутынского, исходят в своих рассуждениях из ее подлинности.⁵⁴

Подкрепил аргументацию С. Н. Валка, считавшего, что память о Варлааме в Новгороде начала почитаться с конца XIV в., В. Л. Янин. Согласно его исследованию, «первые сведения о культе св. Варлаама в Новгороде концентрируются в летописных известиях самого начала XV в.»⁵⁵

Целиком посвящена анализу вкладной (данной) Варлаама Хутынского работа В. Ф. Андреева. В отличие от М. Н. Тихомирова, датировавшего эту грамоту 1211 г., В. Ф. Андреев возвращается к первоначальной дате — около 1192 г., когда был основан Хутынский монастырь: именно тогда, «вероятнее всего, должен был произойти акт передачи земли».⁵⁶

Печать, которая явилась и для С. Н. Валка, и для М. Н. Тихомирова датирующим признаком (для первого — поздним, а для второго — ранним), по мнению В. Ф. Андреева, «не имеет никакого отношения к деятельности Варлаама Хутынского», а появилась в начале XV в. и принадлежала «одному из игуменов Спасо-Хутынского монастыря по имени Варлаам».⁵⁷

Оценивая палеографические приметы грамоты (расположение текста на пергамене, наличие восьмиконечного креста, почерк), В. Ф. Андреев отдает предпочтение датировке их М. Н. Тихомировым. Орфография текста также склоняет автора к XII в. Напротив, дипломатические признаки, по-разному интерпретированные С. Н. Валком и М. Н. Тихомировым, побуждают В. Ф. Андреева присоединиться к первому (XV в.) и отвергнуть доводы второго (конец XII—начало XIII в.), хотя «формуляр не дает нам возможности с достаточной достоверностью датировать Варлаамову грамоту», можно лишь «предположить», что она была написана во всяком случае не позже конца XIV в.»⁵⁸

Анализ содержания грамоты позволил В. Ф. Андрееву уточнить ассортимент вклада в монастырь.⁵⁹ Сравнение его с двумя жалованными тарханскими грамотами Хутынскому монастырю 1577 г. и 1585 г. (указанными автору С. Н. Валком) показало, что в грамоте 1585 г. фигурирует именно вкладная (данная) Варлаама Хутынского, которая должна была являться обоснованием прав монастыря на землю. Решающий аргумент в пользу подлинности этой вкладной (данной) В. Ф. Андреев видит в том, что «монахи старались как можно больше монастырских владений представить в качестве подаренных Варлаамом», а не приписали их в ее текст, как они сделали бы, если бы вкладная (данная) была составлена в конце 1584—начале 1585 г.»⁶⁰

⁵⁴ Алексеев Ю. Е. Частный земельный акт средневековой Руси. С. 127—129; Смирнов М. В. Древнерусский акт X—XIV вв. С. 57.

⁵⁵ Янин В. Л. Активные нежити древней Руси X—XV вв. Т. 2. С. 140.

⁵⁶ Андреев В. Ф. О подлинности данной Варлаама Хутынского // Проблемы исторической истории. М.: Л., 1976. Ч. 2. С. 136.

⁵⁷ Там же. С. 138.

⁵⁸ Там же. С. 141—144.

⁵⁹ Там же. С. 144—147. Неопытное автору слово «воинина» означает для Новгородской области кустарниковые шрени на пойме (см. Мурзин Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 126).

⁶⁰ Там же. С. 147—150.

Заметим в этой связи, что приведенная аргументация ставит перед сомнением, если признать датой возможного подлога не конец 1584—начало 1585 г. (и это предположение В. Ф. Андреева аргументированно отводит), а конец XIV—начало XV в., как она определена С. Н. Валком. Поэтому вывод В. Ф. Андреева о том, что изучение данной (вкладной) Варлаама Хутынского «не выявило ни одного доказательства подлинности этой грамоты»,⁶¹ представляется нам чрезмерно категоричным и не учитывающим не только приведенное здесь соображение, но и не отвергнутое автором мнение С. Н. Валка о подлинности ее формуляра.

В последней работе, посвященной новгородским актам, при датировании этого акта В. Л. Янин априорно исходит из его подлинности, основное внимание обращая на установление даты смерти Варлаама Хутынского. Придя к выводу, что он умер в 1210 г., В. Л. Янин датирует саму грамоту 1192 (когда Варлаам Хутынский впервые упоминается в летописи)—1210 гг.⁶² Но одно только это не устраняет сомнений С. Н. Валка, которые В. Л. Яниным не отводятся, равно как не рассматривается им аргументация В. Ф. Андреева. Не вполне ясно, как соотносится эта датирование В. Л. Яниным вкладной (данной) Варлаама Хутынского с выраженной им прежде аргументированной поддержкой мнения С. Н. Валка. Наконец, сама по себе привязка к местности топонимов акта вряд ли является в данном случае аргументом в пользу его подлинности, не говоря о том, что терминологические определения, предложенные В. Л. Яниным, расходятся с предложенными В. Ф. Андреевым, что никак не оговаривается.

4. *Датная Ивана Фомина сына священнику Лазарю (Муромскому монастырю на Олесе)*. Анализ этой грамоты позволил А. А. Зимину присоединиться к мнению С. Н. Валка о ней. Но в отличие от последнего А. А. Зимину удалось в другом акте (1415-1421 гг.) обнаружить Ивана Фомина, от чьего имени и была якобы дана грамота, и это привело А. А. Зимина к предположению, что «в основу фальшивки мог быть положен какой-то подлинный акт того времени».⁶³

5. *Датная черница Мариня*. Издавая этот акт, И. А. Голубцов определил предположительно его дату 1452/53 годом, основываясь на новом его списке, обнаруженном В. А. Кучкиным, где в отличие от двух других списков обозначена была именно эта дата.⁶⁴

Обоснованию такой датировки посвящена специальная статья В. А. Кучкина. Автором были отмечены непоследовательность критики М. Н. Тихомировым позиции С. Н. Валка и узависимость его аргументации.⁶⁵ Существенным вкладом в изучение грамоты стало ее текстологическое исследование и определение соотношения списков.⁶⁶ Рассмотрение конкретных данных, относящихся к спору

⁶¹ Там же. С. 150.

⁶² Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 207—211.

⁶³ Зимин А. А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. // Труды Московск. гос. историко-архивного института. М., 1963. Т. 17. С. 422—425.

⁶⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV—начало XVI в. М., 1964. Т. 3. № 93. С. 129, 491—492.

⁶⁵ Кучкин В. А. «Датная» черница Мариня // ИЗ. М., 1982. Т. 108. С. 296—297.

⁶⁶ Там же. С. 299—303.

властей Васильевского монастыря, привели В. А. Кучкина к отрицанию вывода С. Н. Валка о возможности подделки данной Марини в конце XVI в.⁶⁷ Вопреки мнению С. Н. Валка о том, что дата в данном случае появляется к концу XV в., В. А. Кучкин приводит ряд примеров обозначения точного года на документах этого типа гораздо раньше. Рукоприкладство же на обороте грамоты, также якобы свидетельствующее о столь же позднем происхождении, интерпретируется В. А. Кучкиным как рукоприкладство на духовной, что дает основание передвинуть дату акта ко второму десятилетию XV в.; редко встречается оно и на довольно ранних данных грамотах. Отсутствие ссылок на послухов, упоминаний о писце и печати не смущает В. А. Кучкина, поскольку «скрепление данных печатями было несоблюдательным», а кроме того, «существовали и такие „данные“, которые полностью повторяли особенности грамоты черницы Марини». Таким образом, по мнению В. А. Кучкина, формуляр этого акта « вполне соответствует формуляру „данных“ XV в. и с „формальной стороны (...) целиком отвечает дате 1452/53 г., имеющейся в одном из его списков».⁶⁸

Переходя к содержанию грамоты, В. А. Кучкин, во-первых, пришел к выводу, что черница Марина и кн. Дмитрий Константинович принадлежали к числу коренных суздальских вотчинников, а во-вторых, что последнего следует отождествить с Дмитрием Константиновичем Ногтем. Одновременно сделано предположение, согласно которому черница Марина — жена вовсе не этого лица, а его племянника Даниила. Отсюда следуют два необходимых допущения, без чего предположение не может быть признано основательным: владение Марини селами было условным с обязательством передать в конце жизни в Васильевский монастырь; вдова Даниила могла распоряжаться передаваемым в монастырь селом Омутским только с согласия верховных собственников. Приведя столь сложные и основанные на допущениях аргументы, В. А. Кучкин не сумел объяснить, что побудило князя Дмитрия Константиновича передать часть своих земель в пользование Марине.⁶⁹

Последние обстоятельства свидетельствуют об известной искусственности построений В. А. Кучкина. Но даже если принять датировку И. А. Голубцова и В. А. Кучкина (1452/53 г.), дата составления акта оказывается перенесенной на два века — с середины XIII в. на середину XV в. — и превращается из чрезвычайно ранней в достаточно позднюю.

И все же С. М. Каштанов поддержал мнение С. Н. Валка о том, что данная Марини является подделкой XVI в., и выразил сомнения в приномерности ее отнесения к середине XV в.⁷⁰

б. *Мировая шугеских смердох с Григорием Семеновичем*. Подкрепить представление о подлинности этого акта попыталась Л. В. Данилова, но утверждению которой, Григорий Семенович — реальное лицо. Его сыном, как предполагает Л. В. Данилова, мог

⁶⁷ Там же. С. 304—305.

⁶⁸ Там же. С. 306.

⁶⁹ Там же. С. 307—311.

⁷⁰ Хронология совместного заседания ... посвященного 100-летию со дня рождения С. Н. Валка. С. 137.

быть Савелий Григорьевич.⁷¹ Непонятно утверждение Л. В. Даниловой о принадлежности до начала XV в. боярину Григорию Семеновичу Зайцева острова.⁷² Ведь прямого свидетельства об этом нет. Следовательно, данное лицо — персонаж только мировой шунгских смердов и не прослеживается в других документах.

Построение Л. В. Даниловой было подвергнуто критике В. И. Корецким. Обнаружение им новгородских грамот XV в. из архива Палеостровского монастыря послужило ему основанием отвергнуть предположение Л. В. Даниловой о поступлении мировой в этот архив в начале XV в., поскольку она не предъявлялась при земельных тяжбах с другими монастырями в XVI—XVII вв. В. И. Корецкий предположил, что мировая была подделана в 1695—1704 гг. в связи с судебным делом между Палеостровским и Вяжицким монастырями по поводу владения угодьями и рыбными долями в Челмужском погосте.⁷³ Таким образом, мнение С. Н. Валка о мировой шунгских смердов оказалось подтвержденным, хотя время подделки определено как несколько более позднее.

В. Л. Янин обратил внимание на то, что противоречивые признаки грамоты, указанные С. Н. Валком, содержатся в последних ее строках, и предположил, что они являются припиской XVII в. Рассмотрев группу документов конца XIV—XV вв., В. Л. Янин нашел подтверждение и существованию Григория Семеновича с его сыновьями Обакуном и Савелием, и былой принадлежности ему Челмужской волости. Время деятельности сыновей Григория Семеновича и его самого В. Л. Янин определяет второй половиной XIV в., что совпадает с датой, указанной в мировой грамоте. Факт же ее наличия в самом акте, свидетельствующий о ее более позднем времени, В. Л. Янин объясняет тем, что «она могла быть введена в позднейший список грамоты на основании неумовимых теперь соображений или хронологических расчетов».⁷⁴ Подобная ничем не подкрепленная догадка ослабляет убедительность основного вывода В. Л. Янина, хотя его анализ мировой шунгских смердов с Григорием Семеновичем производит большое впечатление. По-видимому, исследование этого акта нельзя считать завершенным.

7. *Данная Саввы Сюзия.* А. А. Зимин солидаризировался с мнением С. Н. Валка о подложности этого акта. Вместе с тем А. А. Зимин более подробно рассмотрел земельный спор, возникший на рубеже XVI и XVII вв., результатом чего и явилось составление подложной грамоты. При этом было высказано мнение, согласно которому тогда же (в 90-х годах XVI в.) появилась еще одна поддельная грамота — данная Митрофана Изинского, обычно датируемая 1416/17 г. Эти фальшивки стали одним «из эпизодов захвата духовными феодалами земель черемисов в Курмышском уезде».⁷⁵

⁷¹ *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955. С. 16.

⁷² Там же. С. 17.

⁷³ *Корецкий В. А.* Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 444—445.

⁷⁴ *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 236—244.

⁷⁵ *Зимин А. А.* К вопросу фальсификации актов митрофанов в Русском государстве XVI—XVII вв. С. 400—404.

В. А. Кучкин хотя и не согласился с мнением о том, что данная Саввы Сюзева является поздней подделкой, но не признал и дату самой грамоты (1398/99 г.), а пришел к выводу о ее подлинности (июль 1419—20 февраля 1423 или 1424 г.). В. А. Кучкин установил, что в копииную книгу митрополии и патриархии были внесены не только данные Саввы Сюзева и Митрофана Изинского, но и целый комплекс актов Благовещенского монастыря. Такая регистрация «старых крепостей на землю, производившаяся при писцовых описаниях, к концу XVI в. стала уже данней и широко распространённой практикой». Поэтому появление в копиинной книге копий с грамот Сюзева и Изинского «не представляло собой ничего экстраординарного». Следовательно, «происхождение данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского не является ни сомнительным, ни загадочным».⁷⁶

Дипломатические признаки тоже не обязательно свидетельствуют о позднем происхождении данной Саввы Сюзева. Так, В. А. Кучкин приводит три данные XV в., где, подобно данной Саввы Сюзева, текст начинается со слов «милостью божиею» (правда, в данной Саввы Сюзева — «божиею милостию», и В. А. Кучкин допускает перестановку слов патриаршим писцом при переписке данной в копиинную книгу). Соглашаясь с С. Н. Валком и А. А. Зиминим, что дата в частном акте в его начале, а не в конце — явление исключительное, В. А. Кучкин заметил, что то же следует сказать и об XVI—начале XVII в., почему отпадает предположение о пользовании фальсификаторами образцами этого времени. По предположению В. А. Кучкина, данные С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского имели даты на оборотах и при копировании текста «сначала были списаны даты с оборотов, а затем текст с лицевой стороны».⁷⁷

Датирование обеих грамот В. А. Кучкин связывает с именем архимандрита Благовещенского монастыря Малахия, упоминаемого в них. Архимандрит Малахий «мог настоятельствовать только после июля 1419 г., и иклады С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского могли быть сделаны только после этого времени». Закрепила же пустоши Саввы Сюзева и Митрофана Изинского жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича, выданная архимандриту Малахию 20 февраля 1423 г. (или 1424 г.). Следовательно, промежутком между этими датами и следует, по мнению В. А. Кучкина, датировать обе данные.⁷⁸ Содержание данной также показывает, что данная Саввы Сюзева — подлинный документ.⁷⁹

Итак, можно констатировать, что мнения относительно подлинности и датировки отдельных частных актов остаются весьма разноречивыми. Так, например, В. Ф. Андреев поддерживает точку зрения о подлинности всех относимых к XII в. новгородских частных актов, а М. Б. Свердлов — почти всех (за исключением данной/купчей

⁷⁶ Кучкин В. А. Подделки действительно или мнимые? // Славия и Русь. М., 1968. С. 323—326.

⁷⁷ Там же. С. 326—328.

⁷⁸ Там же. С. 328.

⁷⁹ Там же. С. 329—330.

Антония Римлянина). В. Л. Янин в конечном счете один из них (данную/купчую Антония Римлянина) признал фальсификатом второй половины XVI в., а второй (вкладную Варлаама Хутынского) датировал концом XII в.—началом XIII в. Даже М. Н. Тихомиров переносит вкладную Варлаама Хутынского из XII в. в начало XIII в. (1211 г.). В обоих последних случаях передатировки актов подкрепляют вывод С. Н. Валка о появлении новгородского частного акта в XIII в. Передатировки двух частных актов (данной Саввы Сюзеева и данной черницы Марины) В. А. Кучкиным из XV в. также вписываются в общую картину, нарисованную С. Н. Валком, согласно которой частный акт в Северо-Восточной Руси возник в XIV в. Впрочем, дискуссия показала, что и их выводы не могут быть признаны окончательными.

Но так или иначе суждения о датировке отдельных частных актов имеют историко-юридическое значение, поскольку от этого зависит возможность их использования в качестве источников для исторических исследований. Другой аспект, интересующий в данном случае нас, — специально дипломатический: время возникновения частного акта в целом.

Естественно, что исследователи опирались в первую очередь на датировки отдельных частных актов. Но они же мобилизовали и другие аргументы в обоснование как раннего, так и позднего появления частного акта.

Мнение о существовании древнейших новгородских частных актов уже в XII в. первоначально поддержал, основываясь на обилии сохранившихся актовых печатей, В. Л. Янин. Отвергая допущение, что они могли употребляться при письмах, ибо новгородские печати следовало бы искать у адресатов, т. е. в других городах, В. Л. Янин обратил внимание на то, что печати «найденны на раскопках домонгольских слоев обычного городского квартала Новгорода». Следовательно, «не государственные документы, нужно думать, хранились за иконой или в ларце (...) горожанина». Обилие же булл «XI и особенно XII в. свидетельствует о том, что в большинстве своем дошедшие до нас пислые печати являются остатками многочисленных частных актов (...), утвержденных теми государственными институтами, которым принадлежало право скрепления таких грамот».⁸⁰

Эта аргументация В. Л. Янина была оспорена С. М. Каштановым, которому данный вывод представлялся преждевременным, помимо всего прочего, ввиду сомнительности самой презумпции, «будто частные акты XI—XII вв. утверждались печатями государственных институтов». По первоначальному же мнению самого С. М. Каштанова, большое количество печатей, сохранившихся в Новгороде, может объясняться тем, что их приносили к документам типа писем, а также таким документам государственного происхождения, какими являлись «судебные постановления по различным имущественным вопросам».⁸¹

⁸⁰ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 157. Правда, В. Л. Янину было отмечено, что М. Н. Тихомирову, несмотря на шаткость выводов С. Н. Валка, не удалось полностью их опровергнуть. (Янин В. Л. Грамоты Антония Римлянина и их датирование. С. 43.)

⁸¹ Каштанов С. М. Древнерусские печати (размышления по поводу книги В. Л. Янина) // История СССР. 1974. № 3. С. 182—183.

Однако В. Л. Янин в ходе дальнейшего исследования новгородской феодальной вотчины коренным образом изменил свою прежнюю точку зрения и пришел к выводу о том, что начало перераспределения земельной собственности здесь относится к середине XIV в., а это дает «достаточно убедительное решение поднятого С. Н. Валком вопроса о времени, с которого начинается массовое употребление частного акта, поскольку лишь перераспределение земельного фонда вотчин чаще всего ставит вотчинников в положение контрагентов частного акта». Основываясь на том, что «частными актами являются все скрепленные буллами юрдычных наместников документы конца XIV—XV в.», В. Л. Янин выражает сомнение, что ранние документы сходного характера следует относить к частным актам. Ведь «из дошедших до нас в оригинале ни духовная (вкладная/данная? — В. Л.) Варлаама конца XII в., ни духовная Климента XIII в. не имеют следов прикрепления буллы; следовательно, они не проходили официального утверждения и остались лишь записями волеизъявления. Ничего не говорят о наличии печатей при оригиналах грамот списки с духовной Антония Римлянина первой трети XII в., с оболной Луки Варфоломеевича на Тайбольскую землю первой половины XIV в.»⁶² и т. д.

Как видим, В. Л. Янин выступает теперь с более радикальных позиций, чем С. Н. Валк. Безотносительно к тому, каким временем следует датировать вкладную (данную) Варлаама, и к тому, является она подделкой или нет, он отказывается ее признать частным актом, равно как и духовную Климента, безоговорочно относимую самим С. Н. Валком к числу единичных ранних актов (наряду с рядной Тешаты) XIII в. Связав появление в Новгороде частных актов с практическим завершением освоения основного фонда черных земель вотчинниками (предположительно) и с перераспределением земельного фонда вотчин (определенно), В. Л. Янин тем самым указал на социально-экономические основы их возникновения.

Изменение точки зрения В. Л. Янина прошло, к сожалению, мимо внимания С. М. Каштанова, который в своей новой работе по-прежнему полемизирует с его изысканиями, высказанными в 1970 г. Важно, что и сам С. М. Каштанов уточнил свою позицию в отношении времени возникновения частных актов и способов применения столь обильного числа булл. Так, он считает, что «существование частных актов в XI—XII вв. нуждается в доказательствах». Поскольку бесспорный документ XIII в. — «духовная новгородца Климента (...)» — не имеет ни печатей, ни признаков ее прикрепления, равно как и «вкладная Варлаама, которую большинство исследователей относит к XII в., а С. Н. Валк — к XIV в.», то «ранее конца XIII в. (рядная Тешаты и Якима) у нас нет примеров частных актов, скрепленных печатью, в том числе печатью какого-либо института власти». Что же касается применения этих булл, то С. М. Каштанов теперь отказался от мысли о возможности их прикрепления к жалованным грамотам и письмам. Он предполагает, что по аналогии с Чехией и Венгрией печати «могли употребляться и не при документах, а для вызова в суд». Печати вызова в суд (*sigillum citationis*), посылаемого

⁶² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 209.

«без грамоты», удостоверяла «полномочия судебного агента, непосредственно осуществлявшего вызов в суд».⁸³

Поддержал концепцию С. Н. Валка и В. Б. Кобрин, основывавшийся на собственных наблюдениях. Он обратил внимание на то, что акты рубежа XIV—XV вв. напоминают скорее памятные записки, а не сложившийся документ: в них отсутствует четкая схема построения формуляра (рекло указывается, где расположена земля, ставшая объектом сделки; не всегда названы свидетели). Кроме того, в этих актах отсутствует клаузула, предусматривающая запрет родственникам продавца или дарителя выступать с притязаниями на землю. Наконец, сами акты невелики.⁸⁴

На отсутствие свидетелей в духовной Климента обратил внимание и С. М. Кашистанов, полагающий, что это является признаком «слабой развитости практики составления частных актов в Новгороде XIII в.».⁸⁵

Пришел к выводу, что в Северо-Восточной Руси частный акт возникает (или, быть может, возрождается) лишь в середине XIV в., Г. В. Семенченко.⁸⁶

Возвращаясь к проблеме социальных предпосылок возникновения частного акта, отметим, что сходные с воззрениями В. Л. Янина взгляды применительно к Пскову высказывал Ю. Г. Алексеев. По его мнению, появление частного акта связано с практикой отчуждения земли как следствия нарастания феодальных отношений. Земельный акт в Пскове возникает «в момент разрыва земельных связей с общиной и фиксирует этот разрыв». Развитие наследственного права «соответствует тому же процессу развития собственности на землю — собственности, оформляемой грамотой — земельным актом и теряющей свои прежние общинные общино-правовые черты». Если сделки «внутри общины совершались устно при „суседях“», а сделки между феодалами «оформлялись грамотами типа тех, которые до нас дошли за XII—XIII вв., то Псковская Судная грамота «рисует картину вторжения грамоты в мир „суселей“, которая датируется XIV веком».⁸⁷

Связь появления частного акта с возникновением собственности на землю, с необходимостью «закреплять» права покупателя на землю» констатирует и В. Ф. Андреев. Правда, он утверждает, что покупка земли в Новгородской земле имела место уже в XII в., а возможно, и в более ранний период.⁸⁸

Именно в свете того, в каких социальных условиях появился древнерусский частный акт, невозможно принять точку зрения М. Б. Свердлова, исходившего из признания принципиальной однотипности совершения сделки в устной форме и посредством

⁸³ Кашистанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 163—165.

⁸⁴ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 33—34.

⁸⁵ Кашистанов С. М. Частные акты и начало шларивта в феодальной России // *Notariado público y documento privado: de los orígenes al siglo XIV. Actas del VII Congreso Internacional de Diplomática*. Valencia, 1986. С. 437.

⁸⁶ Семенченко Г. В. Духовная грамота митрополита Алексея (к изучению раннего завещательного акта Северо-Восточной Руси) // *Источниковедческие исследования по истории феодальной России*. М., 1981. С. 21.

⁸⁷ Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси. С. 125—141. См. также: Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 117.

⁸⁸ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XIV вв. С. 129.

оформления акта, с одной стороны, а с другой — односторонности частного и публичного актов. Основанный на этом вывод о второстепенности задачи определения времени возникновения частного акта лишает возможности соотнести историю акта с социально-экономической историей, отрывает дипломатическое их изучение от реальной действительности и сужает возможности дипломатики как инструмента познания прошлого.

Приведенные сведения дают представление о современном состоянии вопроса датировки единичных частных актов, заподозренных С. Н. Валком в подложности. Разумеется, отдельные датировки остаются спорными и нуждаются в дальнейшем исследовании. Вместе с тем более общая проблема — возникновение древнерусского частного акта в целом — представляется в основном решенной. Вывод о его позднем происхождении, сделанный С. Н. Валком и поддержанный в последнее время В. Л. Янинным и С. М. Каштановым, обретает черты хорошо обоснованной концепции, подкрепленной исследованием социально-экономических основ появления и бытования древнерусского частного акта.